

A. D. Sims. Inflectional defectiveness. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. xxii, 309 p. (Cambridge Studies in Linguistics 148.) ISBN 978-1-107-04584-2.

Пётр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; peterarkadiev@yandex.ru

Явление морфологической дефектности, т. е. отсутствия у лексемы тех или иных «положенных» ей по правилам словоизменения данного языка форм, с одной стороны, давно и хорошо известно, с другой же стороны, до недавнего времени считалось примером морфологической нерегулярности *par excellence*, не подлежащим ни типологической, ни сколько-нибудь интересной теоретической интерпретации. Положение изменилось лишь в последние годы, см. в первую очередь сборник [Baerman et al. 2010]. Рецензируемая книга, принадлежащая перу американской славистки Э. Симс и являющаяся существенно переработанным и дополненным вариантом ее защищенной в 2006 г. диссертации [Sims 2006], — фактически первое монографическое исследование морфологической дефектности.

Основная цель книги, как неоднократно подчеркивает автор, — показать, что дефектность является не менее полноправным морфологическим феноменом, чем известные отклонения от «аддитивного эталона» [Плунгян 2000: 40], затрагивающие реальные словоформы (например, синкретизм, т. е. омонимия форм, и различные виды алломорфии), и что, более того, она может вытекать из общих принципов устройства морфологической системы. Чтобы доказать этот тезис, Симс, во-первых, рассматривает многочисленные случаи дефектности из целого ряда неродственных языков (помимо нескольких индоевропейских языков это, например, венгерский, мохок и чикасо) и, во-вторых, предлагает углубленный анализ дефектности в новогреческом и русском языках в рамках теоретико-информационной концепции словоизменительных парадигм, ставящей во главу угла имплицитивные отношения между словоформами и клетками парадигмы (см. об этом также, например, [Finkel, Stump 2007; Ackerman et al. 2009; Stump, Finkel 2013]).

Книга состоит из восьми глав и нескольких приложений. В первой главе («Introduction») явление дефектности иллюстрируется на примере 1 л. ед. ч. русских глаголов — этот пример затем подробно рассматривается в главе 7 — и обсуждаются предлагавшиеся ранее в теоретической литературе подходы к дефектности, сводящиеся либо к чисто техническому описанию этого явления при помощи признака [– lexical insertion] («форма отсутствует»), как в ранней работе М. Халле [Halle 1973], либо к трактовке дефектности как эпифеноменального результата неразрешимого конфликта нескольких морфологических правил, как в ряде работ А. Олбрайта [Albright 2003; 2009]. В обоих случаях дефектность рассматривается не как самостоятельное явление, а либо как случайная идиосинкразия конкретных лексем, либо, наоборот, как полностью предсказуемое на основании независимых принципов морфологии данного языка свойство. Симс, следуя таким работам, как [Anderson 2010] и [Boyé, Cabredo-Hofherr 2010], отвергает оба этих подхода и предлагает рассматривать дефектность парадигм как собственно морфологическое явление, не сводимое напрямую к другим и одновременно не изолированное от регулярных в той или иной степени отношений в парадигмах. Описывая теоретический фон своего исследования, Симс отмечает следующие предпосылки: во-первых, лексикон языка представляет собой сложно организованную структуру,

а не лишенную всякого теоретического интереса «тюрьму для нарушителей правил»; во-вторых, наиболее адекватны так называемые «словесно-парадигматические» (Word-and-Paradigm) модели морфологии, где главную роль играют словоформы и их системные взаимоотношения, а не морфемы; в-третьих, в свете данных экспериментальной психолингвистики, локальные морфологические регулярности (к числу которых может относиться и дефектность) обусловлены такими факторами, как частотность тех или иных форм и отношения формального и/или семантического сходства между лексемами, образующими так называемые «лексические банды» (lexical gangs), способные втягивать в область действия морфологических правил новые элементы (ср. известное обсуждение английских «неправильных» глаголов типа *stick* — *stuck* — *stuck* в работе [Bybee, Moder 1983]).

В главе 2 («Defining inflectional defectiveness») Симс показывает, что дать четкое операциональное определение парадигматической дефектности не так просто. Действительно, что означает утверждение, что некая словоизменительная форма отсутствует у данной лексемы? Сама постановка этого вопроса имплицитно предполагает неограниченную применимость словоизменительных правил, однако очевидно, что, например, отсутствие каких-либо форм кроме 3 л. ед. ч. у безличных глаголов типа *светать* и отсутствие формы 1 л. ед. ч. у глагола *победить* суть явления разного рода и что дефектен, скорее, глагол *победит*, нежели глагол *светать*. Предлагаемое Симс рабочее определение исходит из того, что дефектность сочетает отсутствие морфологического выражения с максимальной степенью его ожидаемости (с. 26): клетка парадигмы <L_c, F> дефектна у лексемы L грамматического класса C, если для правильно построенной комбинации граммем F, имеющей формальное выражение хотя бы у одной лексемы класса C, никакая форма лексемы L не может быть грамматически правильно употреблена в контексте, требующем выражения F при L. Данному определению соответствует глагол *победит*, поскольку ни в каком контексте, требующем граммемы 1 л. ед. ч. буд. вр. (например, *Если я ___ в шахматном турнире, я стану чемпионом мира*), нельзя употребить никакую форму данного глагола, при том что этот же смысл можно выразить описательно (например, *одержжу победу*). Напротив, для глагола *светать* подобрать такой контекст гораздо сложнее, если вообще возможно, поскольку отсутствие у него большей части форм определяется его семантикой, поэтому меньше оснований считать его дефектным.

Существенная часть главы 2 посвящена проблеме разграничения дефектности и ряда смежных явлений, таких как слабо дифференцированные падежи вроде русского второго предложного, нетривиальные соотношения между синтаксическими и морфологическими признаками (как, например, выражение прямого объекта в финском языке), аналитическое выражение каких-либо комбинаций граммем (как пассив перфекта в латыни). Во всех этих случаях, как показывает Симс, речь идет не только о выборе предпочтительного анализа эмпирических фактов, но и о градуальной природе самих морфологических явлений. Этому вопросу посвящен отдельный раздел, в котором автор демонстрирует, что данное выше определение дефектности не задает абсолютно четкого понятия, поскольку та или иная словоизменительная форма может быть в различной степени «ожидаемой» и в различной степени «отсутствующей». Так, например, различия в падежных парадигмах местоимений, терминов родства, прочих одушевленных и неодушевленных существительных в языке восточного помо можно рассматривать, с одной стороны, как «слабую дефектность», а с другой стороны, как частично семантически мотивированное несовпадение наборов граммем у разных грамматических классов. Кроме того, Симс отмечает, что дефектность необязательно сопряжена с полным отсутствием употреблений той или иной формы в корпусе (и, наоборот, такое отсутствие необязательно имплицитно дефектность) — речь должна идти о числе употреблений, существенно меньшем ожидаемого на основании данных о частотности самой лексемы и соответствующих форм. Так, английский глагол *forgo* ‘воздержаться’ не имеет нормативно принятой формы прошедшего времени, и известно, что носители затрудняются в выборе между теоретически возможными вариантами (*forwent* и *forgoed*); при этом, согласно Симс, в поисковой системе «Google» эти формы в сумме зафиксированы

в почти 400 тысячах примеров. Однако сравнение этой, казалось бы, значительной абсолютной цифры с частотностью прочих форм данного глагола (более 70 миллионов употреблений) показывает, что его прошедшее время имеет аномально низкую для английского глагола частотность, несомненно указывающую на то, что носители избегают данной формы¹.

В главе 3 («On the causes of inflectional defectiveness») выделено несколько причин морфологической дефектности: отсутствие необходимости в той или иной форме ввиду ее семантической или прагматической неестественности (как, например, отсутствие форм множественного числа у неисчисляемых или формы вокатива — у неодушевленных существительных), действие фонотактических ограничений (так, в венгерском языке глаголы с основами на кластер согласных не сочетаются с суффиксами, начинающимися на согласный; данное ограничение касается лишь тех случаев, когда у соответствующих основ и аффиксов нет алломорфов, позволяющих устранить запрещенные сочетания), собственно морфологические запреты на комбинаторику аффиксов (так, в языке чикасо глаголы одного из типов спряжения не имеют форм с объектом 1 или 2 л., поскольку это привело бы к возникновению запрещенного сочетания двух личных аффиксов из одного набора), морфосинтаксические ограничения (например, английский глагол *beware* ‘остерегаться’ употребляется лишь в позиции императива и инфинитива и поэтому не имеет никаких других форм²). Наконец, имеется значительное число случаев дефектности, не объяснимых никакими «внешними» факторами. Их Симс называет «irreducible patterns of defectiveness» (с. 75) — они и являются основным объектом изучения в книге.

В главе 4 («Productivity, defectiveness, and syncretism») подробно рассматривается вопрос о соотношении между дефектностью и синкретизмом как двумя разновидностями отсутствия специализированной формы для выражения той или иной комбинации граммем при данной лексеме. Действительно, четко разграничить эти явления не всегда возможно, особенно в ситуации малопродуктивных граммем вроде русского второго предложного падежа. Поскольку его функции у имен, не имеющих специализированной формы, перенимает «первый» предложный падеж, в данном случае следует усматривать синкретизм, а не дефектность. Симс также приводит интересный случай из языка мохок, где формы неопределенного посессора женского рода при лексемах, обозначающих старших родственников женского пола («ее бабушка»), синкретичны с другими посессивными формами, а при лексемах, обозначающих старших родственников мужского пола («ее дедушка»), напротив, дефектны, так что этот смысл выражается иными средствами. Анализ взаимодействия дефектности и продуктивности граммем приводит автора к парадоксальному на первый взгляд выводу

¹ Тут стоит также отметить, что с точки зрения анализа дефектности сбалансированные корпуса текстов, даже весьма обширные, оказываются малопоказательными — по крайней мере, если оперировать лишь абсолютными цифрами (см. [Piperski 2015]). Так, в [НКРЯ] форма 1 л. ед. ч. буд. вр. *побежду* (sic! а не ожидаемая по морфонологическим правилам *побежу*, встречающаяся лишь два раза и в явно игровых контекстах) от глагола *победить* встречается по меньшей мере четыре раза (если исключить контексты явно церковнославянские), а аналогичная форма от глагола *облагородить* — ни одного раза. Тем не менее общая частотность всех форм глагола *победить* в [НКРЯ] достигает почти 14 тыс. употреблений, а глагола *облагородить* — 450 вхождений, относительная же частотность формы 1 л. ед. ч. по отношению к другим формам русских глаголов (по подкорпусу со снятой омонимией) составляет чуть более 3%. Тем самым ожидаемая абсолютная частотность искомой формы глагола *победить* оказывается около 470 вхождений, т. е. более чем в 100 раз выше наблюдаемой, в то время как для глагола *облагородить* она составляет 15 вхождений. Несмотря на то, что при столь грубых подсчетах различие между двумя глаголами не является статистически существенным (критерий хи-квадрат, $p > 0,7$), очевидно, что полное отсутствие в корпусе искомой формы глагола *облагородить* гораздо проще объяснить особенностями его семантики, стилистики и жанров текстов, где он употребляется, нежели крайнюю редкость соответствующей формы глагола *победить*.

² Следует подчеркнуть, что данное ограничение является синтаксическим, а не чисто морфологическим — форма *beware* в контексте презенса (кроме 3 л. ед. ч.) также недопустима, точнее, исключительно редка.

о том, что дефектность является средством выражения (means of exponence) граммем или их комбинаций, во многом таким же, как реальные словоформы.

Отдельный раздел этой главы посвящен ситуациям, где дефектность и синкретизм затрагивают пересекающиеся множества клеток парадигмы. Вслед за работой [Stump 2010] в нем выделены следующие типы их взаимодействия: i) дефектность «перевешивает» синкретизм, т. е. из двух обычно омонимичных клеток парадигмы одна реализуется, а другая — нет (как, например, в склонении ведийского местоимения 3 л. *ena*, у которого нет форм номинатива, в то время как омонимичные ей формы аккузатива существуют³); ii) синкретизм «перевешивает» дефектность, т. е. в парадигме, где по каким-либо причинам ожидается отсутствие данной формы, она имеется и омонимична какой-либо другой (как опять-таки в склонении ведийского *ena*, не имеющего форм генитива и локатива в единственном и множественном числах, но не в двойственном, где они совпадают); iii) синкретизм предопределяет дефектность, иными словами, дефектными оказываются все клетки, вовлеченные в модель синкретизма (как в парадигме ведийского *yakan* ‘печень’, не имеющего форм номинатива, аккузатива и вокатива, которые синкретичны у всех прочих лексем среднего рода). Помимо указанных примеров, Симс подробно разбирает различные случаи взаимодействия дефектности и синкретизма из исландского, новогреческого и латышского языков. Последний случай особенно интересен, поскольку демонстрирует четвертый тип взаимодействия синкретизма и дефектности, а именно их (частичную) дополнительную дистрибуцию: в парадигме латышских рефлексивных отглагольных имен действия женского рода отсутствуют формы датива и локатива, которые в нерефлексивных существительных не омонимичны никаким другим формам, в отличие от вступающих в сложные отношения синкретизма номинатива, аккузатива и генитива. Автор заключает главу следующим наблюдением: синкретизм и дефектность различаются лишь тем, как устанавливается соответствие между синтаксическими признаками и морфологическим выражением. При синкретизме разным синтаксическим признакам ставится в соответствие одна форма, а при дефектности синтаксический признак вовсе не имеет выражающей его формы, но в обоих случаях форм в парадигме оказывается меньше, чем различаемых синтаксисом граммем.

Главы 5 и 6 посвящены анализу дефектности в новогреческих именных парадигмах. В главе 5 («Principal parts, predictability, and paradigmatic gaps») автор подходит к дефектности с точки зрения информационно-теоретической модели отношений между клетками в парадигме, основанной на количественной мере того, насколько та или иная словоформа может «предсказать» другие словоформы данного словоизменительного класса и насколько эта словоформа, в свою очередь, предсказуема на основании других словоформ, а также общей мере энтропии словоизменительной парадигмы [Ackerman, Malouf 2013]. Дефектность генитива множественного числа в новогреческом характерна для значительного числа существительных нескольких типов склонения, и Симс показывает, что возникает она как следствие высокой условной энтропии данной клетки парадигмы, которая в наименьшей степени информативна относительно других форм и одновременно наименее предсказуема. Кроме того, автор показывает, что дефектность связана с чередованиями основ и акцентными типами имен и, что немаловажно, особенно характерна для низкочастотных лексем. Отсюда следует, что дефектность может возникать из-за того, что носители языка, никогда

³ Симс приводит в качестве второго такого примера русский язык, где, как она полагает, одушевленные существительные с дефектностью в род. п. мн. ч. типа *карга* тем не менее имеют омонимичную форму вин. п. мн. ч. (с. 84—85). Данное утверждение, однако, неверно: согласно [НКРЯ], из приведенных Симс на с. 85 существительных такого типа формы вин. п. мн. ч. зафиксированы лишь у слова *мулла*, которое, однако, имеет и свободно употребляющуюся форму род. п. мн. ч. (*мулл*). Форм типа **карг* или **егоз* в корпусе нет ни в какой функции; формы **брюзг* и **сайг* встречаются по одному разу, причем первая в функции вин. п., а вторая — в функции род. п. В поисковой системе «Yandex» отмечено несколько вхождений формы **брюзг* в функции обоих падежей, а надежных примеров форм **егоз*, **гомоз*, **балд* не обнаружено вовсе; впрочем, лексемы *егоза* и *гомоза*, по-видимому, не имеют подпарадигмы множественного числа вообще, а не только род. п. мн. ч.

не встречавшие форму ген. мн. ч. низкочастотного существительного, затрудняются построить ее из-за неопределенности морфологических и акцентных правил⁴.

В главе 6 («Irreducible gaps and the morphologization of defectiveness») обсуждается вопрос о том, в какой степени дефектность у новогреческих существительных продолжает быть мотивированной парадигматической неопределенностью, а в какой претерпела лексикализацию. С этой целью Симс провела эксперимент, в ходе которого носителям новогреческого были предъявлены дефектные и недефектные существительные и контекст, требующий формы ген. мн. ч. Носители должны были заполнить пропуск требуемой формой и оценить степень уверенности, с которой они ее построили. Результаты эксперимента демонстрируют, во-первых, что, хотя степень уверенности в порождении недефектной формы в среднем существенно выше, чем таковая в случае дефектной формы, между двумя классами имен имеется довольно обширная зона пересечения; во-вторых, предсказуемым образом, наблюдается положительная корреляция между степенью уверенности носителей и степенью согласия между ними в результирующих формах; с другой стороны, и в случае дефектных существительных носители могли демонстрировать единообразие в порождении формы, при этом высказывая низкую уверенность. Это позволяет Симс прийти к следующему выводу: именно знание о том, что данная форма не употребляется, вызывает неуверенность испытуемых, а не наоборот; тем самым по крайней мере часть дефектных существительных в новогреческом являются таковыми в силу лексикализации, а не из-за морфологической и акцентной неопределенности. Помимо этого автор рассматривает дефектность ген. мн. ч. в контексте более общей тенденции к устранению генитива в новогреческом и замещения части его употреблений сочетаниями предлогов с аккузативом. Для проверки гипотезы о том, что замещение ген. мн. ч. предложным сочетанием предпочтительно в случаях парадигматической неопределенности, Симс провела еще один эксперимент, где носителям предлагались на выбор формы ген. мн. ч. и предложные сочетания, образованные от имен с разными акцентными свойствами и различной текстовой частотностью. Результаты эксперимента показывают роль как частотности (испытуемые охотнее выбирали ген. мн. ч. от более частотных существительных), так и ударения (испытуемые наименее охотно выбирали ген. мн. ч. от имен с непредсказуемым ударением в данной форме).

Глава 7 («On learnability and the dynamic organization of the lexicon») посвящена анализу дефектности в 1 л. ед. ч. русских глаголов второго спряжения и потому заслуживает более подробного обсуждения. Основной вопрос, которым Симс задается в этой главе, состоит в том, как носители языка усваивают дефектность в отсутствие отрицательного материала — далеко не во всех случаях ребенок, усваивающий русский язык, получает информацию об отсутствии той или иной формы напрямую («проблема отрицательных данных», *negative evidence problem*). Эта проблема усугубляется еще двумя обстоятельствами: во-первых, дефектность нередко встречается у низкочастотных лексем, распределение форм которых не позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии формы на основании наблюдаемых данных («проблема скудости данных», *sparse data problem*); во-вторых, несмотря на то, что дефектность может быть ограничена определенными фонологическими, морфологическими или семантическими классами, дефектные лексемы в таких классах обычно составляют меньшинство, что опять-таки создает, скорее, ожидание наличия формы, а не ее отсутствия («проблема меньшинства», *minority pattern problem*).

Глава начинается с описания релевантного фрагмента русского спряжения; к сожалению, автор не приводит полного списка глаголов, которые она рассматривает как дефектные, и не указывает, на какие именно источники она опиралась. Помимо данных словарей и грамматических описаний Симс использовала также материал [НКРЯ], трактуя в качестве дефектных такие глаголы (из тех, что встречаются с частотностью более 0,5 ipm),

⁴ Здесь нельзя не провести параллель с русскими существительными типа *мечта* или *кочерга*, дефектность род. п. мн. ч. которых, возможно, также может быть объяснена нетривиальным взаимодействием алломорфии, чередований основ и акцентуации, см., например, [Pertsova 2005].

у которых, во-первых, суммарная частотность форм 3 л. обоих чисел не превышает 95% (это исключает безличные и близкие к ним глаголы) и, во-вторых, частотность формы 1 л. ед. ч. не превышает 1% от всех форм презенса⁵. Она отмечает, что дефектность особенно распространена среди глаголов с основой на зубной согласный (9,6% против 3,1% у остальных типов основ), а среди них дефектность особенно характерна для основ на *д* (12,4%) и *з* (10,2%).

Обращаясь к проблеме усвоения дефектности, Симс отмечает, в частности, что модель «консервативного усвоения» (conservative learning), выдвинутая М. Томаселло [Tomasello 2000] и основанная на предположении, что дети при усвоении языка редко делают обобщения за пределами входных данных, в данном случае не работает, поскольку предсказывает дефектность «по умолчанию», которой, естественно, не наблюдается. Вместо этого Симс предлагает байесовскую статистическую модель, в которой носитель ожидает, что каждый новый глагол при прочих равных условиях будет иметь частотное распределение форм, сходное с тем, которое носитель успел вывести на основании уже имеющихся данных. Модель предсказывает, что низкая (в пределе нулевая) частотность формы 1 л. ед. ч. сама по себе служит свидетельством дефектности лишь при высокой общей частотности лексемы. Дополнительный параметр, который Симс включает в модель для повышения ее предсказательной силы, — морфонологические особенности глаголов, т. е. уже упомянутая выше более высокая вероятность дефектности у глаголов с основой на зубной (эффект «лексической банды»). Поскольку априорная вероятность оказаться дефектным у глагола на зубной выше, чем у произвольного глагола, носителю для проверки гипотезы о дефектности таких глаголов требуется меньшее общее число наблюдений. В такой модели три указанные выше проблемы усвоения решаются следующим образом. Проблема отрицательных данных вообще снимается, поскольку модель предсказывает, что носители способны вывести дефектность или ее отсутствие из доступных им частотных распределений форм. Проблема скудости данных и проблема меньшинства решаются за счет того, что усвоение дефектности у высокочастотных глаголов вроде *победить* качественно отличается от ее усвоения у низкочастотных глаголов типа *дудеть* — в первом случае носителю достаточно опираться на нестандартное частотное распределение форм, во втором необходимо учитывать дополнительный фактор фонологического сходства с уже установленными дефектными глаголами: дефектность у низкочастотных глаголов с основой на зубной поддерживается аналогией с высокочастотными дефектными глаголами той же структуры. Для проверки своей модели Симс провела эксперимент по компьютерной симуляции усвоения и стабильности дефектности у русских глаголов. Не вдаваясь в технические детали, отмечу, что эксперимент демонстрирует значимость морфонологических свойств лексем и аналогических отношений между формально сходными лексемами, а также зависимость «времени жизни» дефектности от частотности лексемы. Интересным образом, эксперимент показал, что у высоко- и низкочастотных лексем фонологические свойства играют лишь незначительную роль, не способствуя поддержанию дефектности у первых и сохранению ее у вторых; напротив, в случае лексем средней частотности морфонологический фактор оказывается значимым, что говорит о роли «лексических банд» и аналогии в формировании и сохранении дефектности. Это еще раз подтверждает мысль Симс об отсутствии принципиальных отличий дефектности от других морфонологических явлений.

В главе 8 («The implicative structure of the paradigm and other concluding thoughts») Симс подводит итоги книги и обращается к ряду более общих вопросов. В разделе 8.2 сформулирован неожиданный, на первый взгляд, вывод о том, что случаи дефектности можно рассматривать как своего рода алломорфы, существующие наряду с выраженными показателями тех или иных граммем или их комбинаций и возникающие закономерно, а не в результате

⁵ Здесь следует отметить, что обращение к [НКРЯ], по признанию автора, датируется маем 2006 г., когда объем корпуса был существенно меньше, чем в настоящее время. При подготовке монографии на основе диссертации следовало бы обновить количественные данные.

«системных сбоев». Важным свидетельством в пользу такой точки зрения служит то, что, как было показано в книге, парадигматические лакуны подчиняются в сущности тем же принципам морфологии, что и «нормальные» алломорфы, в частности, они чувствительны к таким факторам, как фонологическое и морфологическое окружение и процессы аналогии. Следующий раздел главы посвящен вопросу о статусе парадигмы в морфологической теории. В словесно-парадигматических моделях морфологии парадигмы обычно рассматриваются как теоретический конструкт, позволяющий описывать словоизменительные системы и их взаимодействие с синтаксисом. Тем не менее, отчасти парадоксальным образом, до недавнего времени собственно отношения между формами, организованными в парадигмы, практически не были объектом теоретического рассмотрения. Изучение дефектности, однако, приводит к независимо высказанному в целом ряде психолингвистических и компьютерно-лингвистических исследований, обзор которых дает автор, выводу о том, что в основе морфологического компонента языка лежат именно парадигматические отношения, основанные не столько на целостной системе правил порождения форм, сколько на частных обобщениях, касающихся конкретных, зачастую закрытых множеств лексем и фрагментов их словоизменительных парадигм.

В приложении («Information-theoretic and other probability-based measures of inflectional structure») объясняется использованный в главах 5 и 7 математический аппарат. Книга завершается списком литературы и указателем.

Переходя к критическим замечаниям, начну с весьма досадной для русского читателя ошибки: в вынесенной в эпиграф к главе 1 цитате из песенки Винни-Пуха («Винни-Пух и все-все-все», А. Милн в пересказе Б. Заходера) вместо правильного *побежду я любую беду*, что следовало бы перевести на английский как ‘I will overcome any trouble’, Симс приводит бессмысленное *побежду, я люблю беду* (с. 1, перевод в сноске 1: ‘I will conquer, I love trouble’) и повторяет эту ошибку при анализе цитаты на с. 5. Встречаются и другие ошибки в русских словах, например, в сноске 3 на с. 2 помета «1 ед. затрудн.» из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка [1980] расшифрована как «1 ед. затрудняется»; на с. 82—83, описывая еще один пример обыгрывания дефектности в русской литературе, а именно рассказ М. Зощенко «Кочерга», автор, как кажется, имеет в виду, что слово *кочерыжка* является уменьшительным (diminutive) от *кочерга*; на с. 90 приводится странное *чаща чаю* вместо *чашка чаю*, а на с. 91 перепутаны род. п. ед. ч. и счетная форма слова *час*: **два часа* и **часть часа* вместо верного *два часа* и *часть часа*; не вполне ясно, что автор имеет в виду на с. 217, говоря о глаголе *чить*, форма 1 л. ед. ч. которого свободно образуется, хотя и не вполне ожидаемым образом (*читу*). Есть и ряд других опечаток и недочетов оформления, например, в библиографии на с. 291—292 нарушен алфавитный порядок (Hirsh-Pasek идет перед Haspelmath).

Некорректно использовать термин «mood» (наклонение) по отношению к пассиву (с. 38) и каузативу (с. 61). Исландские глагольные формы на с. 107—109 следовало привести не только в фонологической транскрипции, но и в принятой орфографии. Стоит также указать на то, что обсуждение русского второго предложного на с. 90—94 не учитывает статьи [Плунгян 2002], где часть ограничений на образование данной формы предлагается объяснять семантически; тем самым не кажется точным утверждение на с. 131, что различие двух предложных падежей в русском языке «нерелевантно для синтаксиса».

Заключая, подчеркну, что монография Симс представляет значительный интерес для морфологов, поскольку является, как уже было отмечено, фактически первым систематическим исследованием парадигматической дефектности, не ограниченным материалом одного языка и, что особенно важно, включающим это явление и методологию его изучения в более общий контекст теоретических изысканий последних лет, сочетая собственно морфологический анализ с математическим и компьютерным моделированием и лингвистическими экспериментами. Нельзя не отметить также живости и ясности изложения, способствующих тому, чтобы книга на столь специальную, казалось бы, тему читалась с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskiĭ slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плунгян 2002 — Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 229—254. [Plungian V. A. Towards the semantics of Russian locative («2nd prepositional» case). *Semiotika i informatika*. 2002. No. 37. Pp. 229—254.]
- Ackerman, Malouf 2013 — Ackerman F., Malouf R. Morphological organization: The low conditional entropy conjecture. *Language*. 2013. Vol. 89. No. 3. Pp. 429—464.
- Ackerman et al. 2009 — Ackerman F., Blevins J., Malouf R. Parts and wholes: Patterns of relatedness in complex morphological systems and why they matter. *Analogy in grammar: Form and acquisition*. Blevins J. P., Blevins J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 54—82.
- Albright 2003 — Albright A. A quantitative study of Spanish paradigm gaps. *Proceedings of the 22nd West Coast Conference on Formal Linguistics*. Garding G., Tsujimura M. (eds.). Somerville (MA): Cascadia Press, 2003. Pp. 1—14.
- Albright 2009 — Albright A. Lexical and morphological conditioning of paradigm gaps. *Modeling ungrammaticality in Optimality Theory*. Blaho S., Rice C. (eds.). London: Equinox, 2009. Pp. 117—164.
- Anderson 2010 — Anderson S. R. Failing one's obligations: Defectiveness in Rumantsch reflexes of DÉBÈRE. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 19—34.
- Baerman et al. 2010 — Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Boyé, Cabredo-Hofherr 2010 — Boyé G., Cabredo-Hofherr P. Defectiveness as stem suppletion in French and Spanish verbs. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 35—52.
- Bybee, Moder 1983 — Bybee J. L., Moder C. L. Morphological classes as natural categories. *Language*. 1983. Vol. 59. No. 2. Pp. 251—270.
- Finkel, Stump 2007 — Finkel R. A., Stump G. T. Principal parts and morphological typology. *Morphology*. 2007. Vol. 17. Pp. 39—75.
- Halle 1973 — Halle M. Prolegomena to a theory of word formation. *Linguistic Inquiry*. 1974. Vol. 4. No. 1. Pp. 3—16.
- Pertsova 2005 — Pertsova K. How lexical conservatism can lead to paradigm gaps. *UCLA Working Papers in Linguistics*. 2005. No. 11. Pp. 13—30.
- Piperski 2015 — Piperski A. To be or not to be: Corpora as indicators of (non-)existence. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. 2015. Vol. 1. No. 14. Pp. 515—522.
- Sims 2006 — Sims A. *Minding the gaps: Inflectional defectiveness in a paradigmatic theory*. Doct. diss. Columbus (OH): Ohio State Univ., 2006. Available at: https://slavic.osu.edu/sites/slavic.osu.edu/files/sims_dissertation_2006.pdf
- Stump 2010 — Stump G. T. Interactions between defectiveness and syncretism. *Defective paradigms: Missing forms and what they tell us*. Baerman M., Corbett G. G., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 181—210.
- Stump, Finkel 2013 — Stump G. T., Finkel R. A. *Morphological typology: From word to paradigm*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Tomasello 2000 — Tomasello M. First steps towards a usage-based theory of language acquisition. *Cognitive Linguistics*. 2000. Vol. 11. No. 1. Pp. 61—82.